

Мальцев Василий

4 студента, экономика абсурда

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мальцев Василий

4 студента, экономика абсурда

«Автор»

2026

Василий М.

4 студента, экономика абсурда / М. Василий — «Автор», 2026

Жанр : Черная и пошлая сатирическая комедия, с элементами драмы
В книге «Четыре студента, экономика абсурда» вы познакомитесь с четырьмя студентами, которые не по своей воле поступили на платное отделение менеджмента в Высшую школу экономики. Их объединяет не только учёба, но и множество комичных ситуаций, в которые они попадают. Не только в общежитии и универе, а еще и в Баре и ночном клубе. Вы окунётесь в мир чёрного юмора и сатиры, где анекдоты переплетаются с повседневной жизнью студентов. Финалист. Эта книга — литературный проект «Мифы», где смешные истории и абсурдные ситуации становятся основой для глубокого понимания жизни и учёбы.

© Василий М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Соседи по несчастью	6
Глава 2. Пары и падения	7
Глава 3. Культурный обмен	8
Глава 4. Кризис как возможность	9
Глава 5. Субботний вечер и закон подлости	11
Глава 6. Презентация недели: от кринжа до крипты	14
Глава 7. Психология как она есть, или Принеси мне свою травму	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мальцев Василий

4 студента, экономика абсурда

Пролог

Приемная комиссия Высшей школы экономики никогда не видела такой разношерстной группы абитуриентов, прошедшей на платное отделение менеджмента. Но деньги, как известно, не пахнут, а бюджет должен быть выполнен.

Глава 1. Соседи по несчастью

Общежитие на Трифоновской стало ареной, где судьба свела четырех вселенных, не подозревавших о своем существовании.

Валера, приехавший из деревни Пеньково с чемоданом, упакованным мамиными соленьями и пацанскими понятиями, первым ввалился в комнату 307. Его взгляд, привыкший к просторам полей, сжался до размеров каморки на троих. «За шконкой в натуре договорились?» – было первое, что он спросил у единственного присутствующего – Глеба.

Глеб, потный от волнения и августовской жары, оторвался от ноутбука, где на паузе застыла аниме-девушка с неестественно большими глазами. Он кивнул, поправив очки, заляпанные отпечатками чипсов. «Шконка? А, кровать. Да, вон та свободная. Только там розетка далеко от моего стола, так что если будешь заряжать...» Валера махнул рукой: «Четко. Разберемся».

Третьим в комнату вкатил Алексей в сопровождении отца в дорогом костюме и двух грузчиков с Louis Vuitton чемоданами. «Батенька, вы уверены, что это оно?» – Алексей брезгливо осмотрел помещение. «Уверен, Лешенька. Характер закаляет. Да и твой рейтинг, сынок...» – начал отец. «Ладно, ладно,» – отрезал Алексей, ловко сунув отцу в карман ключи от новой BMW. «Оставь у дома. На такси пока поезжу, чтоб народ не смущать».

Последним, тихо, словно боясь потревожить воздух, вошел Иван. В руках – потрепанный томик Бродского и скетчбук. Он молча поставил рюкзак на оставшееся место, вздохнул, глядя на соседей: пацанячего вида парня в спортивках, пухлого анимешника и мажора, раздающего грузчикам чаевые купюрами. «Это будет интересно,» – прошептал он себе, доставая беруши и ароматическую свечку «Кедр и стоицизм».

Глава 2. Пары и падения

Первая же лекция по «Основам менеджмента» стала фарсом. Преподаватель, доцент с видом человека, тридцать лет пережевывающего один и тот же конспект, начал говорить про цикл Деминга.

Валера поднял руку: «А это, получается, как в натуре: спланировал – сделал – проверил – поправил? Типа, срубил баню, а она косится – подвел угол?» Преподаватель заморгал: «Ну... в известной степени можно провести такую... примитивную аналогию».

Алексей, не выдержав, фыркнул: «Боже, деревня. Цикл Деминга – это про оптимизацию бизнес-процессов, а не про ваши бани. У нас, кстати, в родовом поместье баня от швейцарских архитекторов». Глеб, не отрываясь от планшета, где шла игра, пробормотал: «В аниме «Офисный работник-нежить» вся теория менеджмента куда лучше объяснена. Там главный герой, используя принципы agile...» Иван просто зарисовал всех в скетчбук, подписав: «PDCA (Планируй Деревенскую, Чувак, Аналогию)».

Пары по английскому оказались еще хуже. Валеру, изучавшего язык по песням «Касты» и фразам «эй, бич» из фильмов, попросили рассказать о себе. «My name is Valera. I am from street. Respect,» – выдавил он. Преподавательница, филолог Кембриджа, чуть не уронила чашку эспresso.

Алексей пытался блеснуть, ввернув «to be honest» и «as a matter of fact» через слово, но с ужасным русским акцентом, выдававшим репетитора из Мытищ. Глеб знал все технические термины и мог перевести «lean manufacturing» (бережливое производство), но споткнулся на слове «meeting» (встреча), произнес его как «митинг». Иван молча переводил сонеты Шекспира в углу, демонстративно вздыхая.

Глава 3. Культурный обмен

Вечером в общаге разгорелся первый конфликт. Валера поставил на тумбочку банку с домашними солеными огурцами и включил на колонке «Касту» на полную громкость. «Музончик для души, пацаны!»

Глеб, у которого как раз началась критическая битва в MMORPG, взвыл: «Выключи! У меня рейд! Ты мне весь дроп портишь!» Алексей, разговаривающий по FaceTime с какой-то Катей, крикнул: «Валера, ты мне весь пафос портишь! Катя думает, я в каком-то общажном гетто!» Иван просто вставил беруши глубже и начал читать Набокова, но взгляд его говорил, что он мысленно уже сочиняет памфлет «О дикости нравов в постсоветском социуме».

Внезапно свет погас. По общаге пронесся коллективный стон. «Что за на... что за безобразие?» – поправился Алексей. «Наверное, лимит превысили,» – хмыкнул Глеб в темноте, освещенной лишь мерцанием его ноутбука. «У меня батареи на два часа. Придется оптимизировать процессы».

Тут Валера, к всеобщему удивству, полез под кровать и вытащил огромную коробку. «Спокойно, братва. У настоящего пацана всегда есть на чоткий случай.» Он достал три керосиновые лампы, пачку свечей и... еще одну банку. «Сало домашнее. Кто хочет?»

Голод, темнота и всеобщая беспомощность сделали свое дело. Через полчаса они сидели в кругу, при свете ламп, уплетая сало с хлебом и солеными огурцами. Алексей, стиснув зубы, отправил Кате голосовое: «Дорогая, вынужден прерваться. У нас тут... тимбилдинг. Очень аутентичный». Глеб, жуя, спросил: «А можно сало... это, в энергетический эквивалент перевести? В игре у меня как раз еда кончилась...» Иван, к своему ужасу, обнаружил, что сало невероятно вкусно, и даже прочитал экспромт: «О, хрусталь соли на белом жире! Как биткоин на ворованной карте!» Валера удовлетворенно хрустнул огурцом: «Вот видите? По понятиям. Чего ссориться-то?»

Глава 4. Кризис как возможность

К первому модулю выяснилось, что у всех – катастрофа с «Микроэкономикой». Нужно сдать командный кейс. Их случайно сгруппировали вместе.

Собрались в кафе на Покровке. Алексей, разложив MacBook, сразу взял слово: «Так, слушайте сюда. У моего отца есть друг, у него как раз проблема с логистикой в сети кофеен. Сделаем на его материалах. Я договорюсь». Глеб зашелестел графиками: «Я проанализировал 50 подобных кейсов, смоделировал три оптимальных решения в Excel и могу сделать презентацию в Prezi с анимацией. Но мне нужны точные цифры». Иван вздохнул: «Презентация – это не только цифры. Это нарратив. История. Конфликт и его разрешение. Мы должны подать это как драму выбора между эффективностью и...» Валера перебил, хлопнув ладонью по столу: «Пацаны, вы все загоняетесь. Есть задача – надо решать. Вот у нас, в натуре, когда у дяди Васи корова заболела, мы всем селом...» «Валера, это не корова!» – хором сказали остальные.

И тут Иван посмотрел на Валеру, потом на Алексея, потом на Глеба. В его глазах зажегся тот самый творческий огонь. «Стоп. Это гениально». «Что гениально? Корова?» – недоверчиво спросил Алексей. «Нет. Аналогия. Мы представим сеть кофеен не как бизнес-структуру, а как... стадо! Каждая точка – корова. Одни дают много молока (прибыли), другие – болеют (убыточны). Наша задача – стать хорошими пастухами-менеджерами: накормить, подолить, вылечить или... отправить на мясо (закрыть)». Наступила тишина. «Это бред,» – сказал Алексей. «Это инновационно,» – возразил Глеб. «Можно сделать крутые инфографики: надои выручки, пастбища – локации...» «И рассказать историю!» – воодушевился Иван. «Пастух (менеджер), который нашел общий язык с каждой коровой (сотрудником)!» Валера сиял. «Ну вот. А я чо говорил? Все через корову в жизни понять можно».

Они сделали презентацию «Lean Herding: оптимизация бизнес-стада». Профессор, человек старой закалки, смотрел на слайды, где графики рентабельности были оформлены под коровьи пятна, а матрица BCG превратилась в луга с «дойными коровами» и «темными лошадами» (пришлось вписать сноску «лошадка – метафора диверсификации»). Он то краснел, то бледнел. А потом расхохотался. И поставил «отлично». «За креативность и умение найти нестандартную, хоть и идиотическую, аналогию. В бизнесе иногда так и надо».

Прошла неделя. Комната 307 все так же была полна противоречий. Алексей учил Валеру «правильно» одеваться, что выливалось в сюрреалистичные сочетания красных ламбадинов и футболок от Lacoste. Валера, в ответ, учил Алексея «по понятиям» разговаривать с охранниками в клубах, что однажды привело к тому, что мажора приняли за подручного криминального авторитета и пустили в VIP без очереди.

Глеб, вдохновленный валерным «житейским» подходом, написал алгоритм, оптимизирующий его походы в столовую и душевую, чтобы минимизировать контакты с людьми. Иван делал комиксы про их жизнь, выкладывая в телеграм-канал, который неожиданно стал популярным в самой ВШЭ.

На паре по «Оргповедению» им дали задание – проанализировать их собственную команду. Они переглянулись. Алексей сказал: «Я – явный лидер, генератор связей и ресурсов». Глеб добавил: «Я – аналитик и технарш, превращаю сырые идеи в работающие модели». Иван улыбнулся: «Я – креативщик, превращающий хаос в нарратив». Все посмотрели на Валеру. Тот выпрямился, хрустнул шеей: «А я, братва, в натуре... я – корова. Та самая, через которую вам всю эту вашу умную книжную хрень видно стало».

Они засмеялись. Даже Алексей. Потом достали ноутбуки, скетчбук и банку соленых огурцов, чтобы начать новый проект. Процесс, как говаривал их преподаватель, пошел. Циклично, абсурдно, но неудержимо.

Как и сама жизнь в стране, где пацанские понятия, мажорский пафос, цифровые миры и тонкая душевная организация вечно спорят за место под московским солнцем, а в итоге – варят общую похлебку. С салом.

Глава 5. Субботний вечер и закон подлости

После успешной сдачи кейса по «микроэкономике» команда 307-й решила, что заслужила право на культурный отдых. Алексей, как эксперт по московской жизни, настаивал на «приличном лаунж-баре» где-нибудь в центре.

«Пацаны, я вас в нормальное место свожу. Там интерьер от Карима Рашида, коктейли по тысяче и публика... соответственная,» — важничал он, поправляя манжет рубашки. «Тыща за коктейль?» — аж поперхнулся Валера. «Да за эти деньги у нас в Пенькове мужик на свадьбе всего колхоза мог нажраться!» «Я бы лучше на эти деньги новую видеокарту докупил,» — буркнул Глеб, уже представляя, сколько фпс он потеряет в любимой игре из-за барного освещения на рендере. Иван вздохнул: «Бар... Колыбель декаданса и вдохновения. Ладно, посмотрим на современных вакханок».

Бар «Диверсификация» оказался именно таким: приглушенный свет, кирпичные стены, бармены с бородами и нарукавниками, и гулкий гул «правильной» публики. Наша четверка влилась в это пространство, как сметана в борщ — заметно и не совсем к месту.

Ситуация первая: Валера и «жидкий хлеб».

Валера, чувствуя себя не в своей тарелке, решил взять инициативу. Увидев у барной стойки симпатичную девушку в очках, явно писавшую курсовую на макбуке, он подкатил по-пацански. «Чё, сестра, работаешь? Отрывайся, жизнь одна!» Девушка устало посмотрела на него поверх стёкол. Валера, чтобы не ударить в грязь лицом, поймал взгляд бармена: «Мне чё покрепче. Чтобы дух захватывало. Как у нас в деревне». Бармен, парень с хипстерской бородкой, усмехнулся: «Есть интересный вариант. Абсент. Но его надо пить правильно». «Да я всё правильно!» — отмахнулся Валера. Ему принесли стакан с мутноватой зеленой жидкостью, кубик сахара на специальной ложке и зажигалку. Инструкции он, разумеется, проигнорировал. Увидев огонь, его пацанская суть взбунтовалась. «О, шоу!» — радостно воскликнул он, достал свою огромную, выдавшую виды зажигалку «Зиппо» с гравировкой «За Володю» и... чиркнул прямо над стаканом. Пары спирта вспыхнули синим пламенем, но не элегантно язычком, а мощным факелом, который опалил челку девушки с макбуком и поджег бумажную салфетку. Поднялась паника. Охранник уже двигался в его сторону. Валера, действуя на рефlekсах, схватил стакан и залпом выпил пылающую жидкость. На секунду воцарилась тишина. Он стоял, изо рта у него шел легкий дымок, как у дракона. «Нормальный... огонёк,» — хрипло выдавил он и рухнул за стойку, сметая по пути подставку с чипсами.

Ситуация вторая: Алексей и «комплекс отца».

Алексей, заметив сумятицу вокруг Валеры, решил, что это отличный момент проявить хозяина положения. Увидев за соседним столом компанию из трех эффектных девушек, он разгладил рукой волосы и подошел с фирменной улыбкой. «Девочки, не обращайте внимания на этого... неформала. Это мой bodyguard, иногда перегибает палку в рвении защитить. Разрешите компенсировать неудобство бутылочкой Просекко?» Девушки переглянулись, одна кивнула. Алексей, довольный, щелкнул пальцами, пытаясь поймать взгляд озадаченного бармена. «Молодой человек, к вам просьба!» — сказал он громко, с легким пренебрежением в голосе. К столику подошел не бармен, а менеджер — мужчина лет сорока пяти, в идеальном костюме, с ледяным взглядом. «Чем могу быть полезен?» Алексей, не глядя на него, уставившись в телефон, бросил: «Давайте ваше лучшее Просекко. И быстро, а то люди ждут». Наступила пауза. Алексей наконец поднял глаза и обомлел. Перед ним стоял его собственный отец, Игорь Сергеевич. Тот самый, который говорил, что «закаляет характер» в общаге. Тот, у которого якобы «друг с сетью кофеен». «Лешенька,» — тихо, но так, что слышали даже девушки за соседним столиком, произнес отец. «Ты что, мой бар в твоём резюме указан как «связи отца»? И «bodyguard»? Это тот самый однокурсник, что сейчас под столом лежит?» Алексей, мажор

и сердцеед, впервые в жизни покраснел как рак и смог выдавить только: «Пап... я... мы просто...» «Счет принесу, сынок. И bodyguard'a своего заberi. Он у нас, похоже, «отдыхает».

Ситуация третья: Глеб и «квестовая логика».

Пока Алексей переживал крах вселенной, Глеб, оставшись один, решил, что бар — это просто локация с квестами. Квест номер один: добыть выпивку с минимальной социализацией. Он увидел на стене цифровую панель с меню и QR-кодом для заказа. «Отлично, механика «тач-скрин заказа», — подумал он. Подойдя, он несколько минут с интересом изучал интерфейс, тыкая в экран. Выбрал коктейль «Киберпанк» (из-за названия). Система запросила номер столика. Он огляделся. На свободном столике рядом стоял номер «7В». Глеб ввел его. Через пять минут официант принес «Киберпанк» на столик к двум бородатым хипстерам, которые явно его не заказывали. Они пожали плечами и выпили. Глеб не сдался. Он нашел в приложении опцию «заказ для меня» и, наконец, получил свой напиток. Квест выполнен. Но тут начался квест номер два: выпить эту странную синюю жидкость с дымящимся шариком. В играх все зелья как-то употреблялись. Он решил действовать по аналогии с зельем маны: быстро и одним глотком. Сделал это. И понял, что зелье маны не было крепким алкоголем, смешанным с жидким азотом для эффекта дыма. Кашель, слезы из глаз и ощущение, что горло сжал ледяной демон, были наградой за прохождение.

Ситуация четвертая: Иван и «поэзия жеста».

Иван, наблюдая за крушением товарищей, чувствовал себя Кафкой в аду гламура. Он решил уединиться в углу с бокалом красного вина, чтобы зафиксировать этот «закат человечества» в заметках. К нему подошла девушка — творческого вида, в берете, с томиком Ахматовой в руке (Иван мысленно похвалил ее за стиль). «Я вижу, ты здесь единственный, кто не пытается жечь бар или звать отца,» — сказала она с улыбкой. Иван почувствовал родственную душу. «Ах, это просто фасад. За ним — экзистенциальная драма поколения, вынужденного измерять душу в метрах квадратных общежития,» — парировал он. Разговор пошел. Иван, воодушевленный, решил блеснуть эрудицией и тонким восприятием. Девушка сказала, что изучает искусствоведение. «О! — воскликнул Иван. — Видите эту игру света на бутылках за барной стойкой? Это чистый караваджизм! Тенебризм, вырывающий из мрака суть вещей... Пивную кружку!» Он сделал широкий, театральный жест рукой, чтобы указать на свет... и задел пронесившую мимо поднос официантку. Поднос с пятью порциями текилы-санрайз взмыл в воздух и обрушился дождем из оранжевой жидкости и брызг прямо на сидящую компанию менеджеров среднего звена. Наступила мертвая тишина, нарушаемая только звуком капель, падающих с потолка. Девушка в берете, едва сдерживая смех, сунула Иванку в руку визитку. «Это номер моего психотерапевта. Он специализируется на творческих кризисах и их... последствиях». И растворилась в толпе.

Финал.

Через полчаса вся четверка стояла на холодном московском тротуаре перед баром «Диверсификация». Валера по-прежнему слегка дымился и клялся, что видел, как зеленые черти таскали окурки. Алексей молчал, уставившись в асфальт, осознавая, что его отец — не магнат из сериала, а менеджер бара, и его карточка заблокирована «в воспитательных целях». Глеб тихо вычислял, какова вероятность того, что жидкий азот мог повредить слизистую, и сравнивал ее с шансом выпадения легендарного лута. Иван выжимал сок лайма из своей модной рубашки, задумчиво сочиняя в уме: «О, как пахнет апельсином разбитая спесь, а на асфальте — ром и расплавленный воск надежд...»

Охранник, выдворявший их, бросил: «Ребят, учитесь на менеджеров? Совет: начните с управления собой».

Они побрели к метро — обгоревший, униженный, обмороженный и липкий от коктейлей. Но по дороге Валера неожиданно хрипло сказал: «Пацаны... а че, в натуре, весело же было». И они, сначала нерешительно, а потом все громче, начали смеяться. Смеялись до слез,

до коликов, над собой, над этой абсурдной ночью, над всей этой грёбаной «Высшей школой экономики», которая свела их вместе. Они были нищие, глупые, нелепые и абсолютно живые. А завтра была паста по «Эконометрике». И они, черт возьми, будут разбираться в ней вместе. Потому что другого выхода у них уже не было.

Глава 6. Презентация недели: от кринжа до крипты

Предмет: «Бизнес-планирование и инновации». Преподаватель: Аркадий Львович, человек с лицом, выточенным из гранита цинизма, и галстуком, который, казалось, душил в нем последние остатки энтузиазма. Ходили легенды, что он разбогател в лихие 90-е на распиле чего-то государственного, а теперь преподавал для прикрытия. Его любимое развлечение — жестоко и с сардонической улыбкой разносить в клочья студенческие мечты.

«Ну что, креативщики вы наши, — начал он, похаживая перед аудиторией. — Сегодня слушаем «инновационные бизнес-модели». Прошу, удивите меня. Но предупреждаю: мое удивление обычно выражается в неуде за модуль».

Проект первый: Глеб. «Waifu.Hub — нейросеть для генерации идеальной аниме-спутницы жизни».

Глеб, вспотевший от волнения, выкатил к проектору свою тачку с ноутбуком. На слайде — схематичное, но откровенно оформленное изображение девушки с глазами, как блюда. «Коллеги, проблема современного общества — дефицит качественных романтических взаимодействий, особенно среди высокоинтеллектуальной прослойки, — зачитал Глеб с листочка. — Мое решение — платформа на базе ИИ. Пользователь загружает свои данные: интересы, уровень дохода, ДНК-тест для анализа совместимости...» «ДНК-тест?» — перебил Аркадий Львович, прищурившись. «Да, для максимальной кастомизации эмоционального отклика виртуального партнера, — продолжал Глеб, не замечая сарказма. — Нейросеть создает уникальную «вайфу» с персональным набором характеристик: от кулинарных предпочтений до... э... режима интимных ласк. Монетизация: подписка, внутриигровые покупки (платья, прически), премиум-функция «физический дакимакура твоей вайфу с подогревом и встроенными колонками». Целевая аудитория —...» «...Одинокие задроты с деньгами и нулевой социальной компетенцией, — закончил за него Аркадий Львович. — Понял. Вопрос по монетизации. А функция «измена»? Предположим, пользователь устал от своей сгенерированной девочки. Можно ли «слить» ее на черный рынок цифровых рабынь? Или устроить виртуальный развод с дележом крипто-имущества?» Аудитория захихикала. Глеб покраснел. «Э-э... это неэтично...» «Бизнес, юноша, строится не на этике, а на спросе, — поучительно сказал препод. — Ваша идея — это «Тиндер» для тех, кто даже на «Тиндере» слишком страшен. Минус. Следующий. Давайте что-нибудь про материальный мир».

Проект второй: Алексей. «БустАп — легализация услуг «мажора на час» для соцсетей».

Алексей, все еще не оправившийся от позора в баре, но внешне собранный, вышел в новой толстовке с невнятным логотипом. «Аркадий Львович, коллеги. Мы живем в эру перформативного потребления. Людям важно не иметь, а демонстрировать. Но что делать, если ты не родился в Лондоне и у тебя нет яхты? На помощь приходит «БустАп». Мы предоставляем в аренду... имидж. Наши сотрудники — это я и такие, как я. Мы приходим на вашу вечеринку в качестве «друга детства из Швейцарии». Садимся за ваш стол в ресторане как «инвестор, который вот-вот вложит». Делаем сторис из салона частного самолета (наш партнер, авиационный клуб) с вашим телефоном в руках. Мы создаем вам репутацию успешного и связанного человека». «Интересно, — сказал Аркадий Львович, потирая подбородок. — По сути, вы продаете понты. Вопрос: а клиенты ваши — это неудачники, которые хотят казаться успешными? Им же надо как-то объяснить, почему этот «друг детства» потом уезжает на метро. Или у вас есть пакет «Полный цикл»: «мажор» + «аренда Ferrari на вечер» + «бригада фейковых папарацци»?» «В разработке, — не моргнув глазом, соврал Алексей. «А услуга «Подставить бывшего»? Девушка нанимает вас, чтобы вы к ней подкатили при бывшем, демонстрируя, что она теперь в «высшей лиге»?» «Э... мы рассматриваем нишевые запросы». «Понятно. Бизнес на человеке».

ском тщеславии и комплексах. Глубоко. Черно. Бесперспективно. Вы же понимаете, что любой реальный мажор, увидев такую фейковую сволочь, как вы, на своей вечеринке, просто позовет охрану? Минус. Дальше. Может, кто-то предложит что-то для простых людей? Из народа?»

Проект третий: Валера. «ПОНЯТНОЕ Дело — криптоферма на майнинге через колхозные коровы».

Валера вышел уверенно. Он был в своей стихии — ему было что предложить миру. «Братва, то есть, коллеги. Все эти ваши интернеты жрут дофига электричества. А корова — она ж газ метан производит. Много. У нас в Пенькове от коровника спичкой чиркнешь — бабахнет на всю область. Мы ставим биогазовую установку, газ горит, крутит генератор, генератор дает ток, ток питает майнинг-ферму. Цикл закрытый. Экология, натуральный продукт. И главное — понятно! Коровы работают, крипта капает. Можно еще NFT делать — уникальные цифровые портреты каждой буренки. Называть «Моо-NFT». Инвесторы с запада оху... обалдеют». В аудитории повисла гробовая тишина, прерываемая лишь сдавленными хрипами пытающихся не захохотать студентов. Аркадий Львович долго молчал, глядя на Валеру. Потом медленно подошел, положил ему руку на плечо. «Молодой человек. Это... гениально в своем идиотизме. Вы объединили самый трендовый и бесполезный актив — криптовалюту — с самым архаичным и пахнущим навозом способом ее добычи. Вы хотите заставить коров... срать валюту? Это поэтично. Это по-русски. Вопрос: а что, если корова заболит? Выпускать токен SickCow (SCK)? Или это будет децентрализованная автономная организация — ДАО... «Рога и копыта»?» Валера, не понимая, стебется над ним или хвалят, уверенно ответил: «Если корова заболела — это форс-мажор. Страховку делаем. А токен можно такой... «ГовноКоин». Солидно звучит». Аркадий Львович закатил глаза к небу. «Боже, за что? Ладно. Минус, но с искрой. Последний. Творческая личность. Удивите».

Проект четвертый: Иван. «Thanatos.Style — эксклюзивные урны для праха в виде предметов роскоши».

Иван вышел с видом человека, несущего свет во тьму. «Аркадий Львович. Современный человек живет в эстетике. Почему же его смерть должна быть безликой? Прах в стандартной урне — это китч и пошлость. Я предлагаю «Thanatos.Style». Мы создаем урны-объекты. Урна в виде уменьшенной копии виллы клиента. Урна-первая зарплатная карта, залитая в эпоксидную смолу. Урна-биде (для особенно язвительных завещаний). Урна-полка с якобы любимыми книгами, где один том — полый. Мы продаем не сосуд для пепла. Мы продаем последний нарратив, финальный штрих в биографии. Целевая аудитория — креативный класс с деньгами и нездоровым нарциссизмом». Аркадий Львович сел на край стола и задумчиво смотрел на Ивана. «Мрачно. Цинично. Мне нравится. Вопросы. А есть ли пакет «Премиум»? С «оживлением»? Например, урна со встроенным динамиком, которая в годовщину смерти проигрывает записанный при жизни голос: «Я же говорил, что ты все провалишь»? Или урна с функцией развеивания праха по команде с телефона? Чтобы развеять ненавистную тещу над свалкой, не выходя из кабинета?» «Технически... возможно, — задумался Иван, увлекшись. — Можно добавить ИИ, который генерирует новые язвительные цитаты от лица усопшего на основе его переписки...» «Стоп! — Аркадий Львович поднял руку. — Вы переходите грань между черным юмором и психиатрическим диагнозом. Ваш бизнес — это пошлость, возведенная в абсолют и приправленная экзистенциальным ужасом. Bravo. Минус. Но талантливо».

Разбор полетов.

Когда все отмучились, Аркадий Львович подошел к доске и написал крупно: «ПОТРЕБНОСТЬ». «Вы все, в своих кретинизмах, случайно нащупали одну вещь. Самые жирные деньги делаются на трех китах: похоть, тщеславие и страх. — Он ткнул указкой в направления. — Ты (Глеб) — эксплуатируешь похоть и одиночество. Ты (Алексей) — тщеславие и комплекс неполноценности. Ты (Валера) — наивную веру в «халяву» и страх отстать от тренда. Ты (Иван) — страх быть забытым и пошлостью самолюбования. Вы — не менеджеры. Вы — диагноз поко-

ления. Патологоанатомы рынка. За это — спасибо. Но бизнес-планы — дерьмо. Всем неуд. Идите думать, как из этой базы сделать что-то, что не вызовет рвоту у венчурного инвестора. Пары кончились».

Четверка вышла в коридор. Их объединяло чувство полного краха и странной, извращенной гордости. «Четкий препод, — с уважением констатировал Валера. — По понятиям все разложил». «Он назвал меня диагнозом поколения, — мечтательно сказал Иван. — Это мог бы быть заголовок для моей автобиографии». «А он прав, — хмуро буркнул Алексей. — Надо брать реальных мажоров, а не самому изображать...» Глеб, не слушая, что-то быстро строчил в телефоне. «Ребята, а если совместить? Слушайте... Вайфу, которая живет в урне, критикует тебя с того света, и при этом ее можно арендовать, чтобы делать сторис, что у тебя есть духовная наставница... а питается все это от коровьего навоза!» Они посмотрели на него. И впервые за долгое время — дружно, громко и истерично рассмеялись прямо посреди коридора ВШЭ, пугая проходящих аспирантов. Бизнес-инкубатор абсурда продолжал свою работу.

Глава 7. Психология как она есть, или Принеси мне свою травму

Предмет: «Психология личности и групповая динамика». Преподаватель: Лидия Аркадьевна. Женщина лет пятидесяти с безупречной седой пучкой и пронзительным взглядом, который, казалось, видел ваши детские травмы насквозь. Она практиковала метод «активного эмпатического погружения», который студенты между собой окрестили «сеансом экзорцизма». Ее пары были похожи на групповую терапию для недолеченных душ.

«Сегодня, мои дорогие будущие управленцы, мы будем говорить о роли защитных механизмов психики в принятии бизнес-решений, — начала она, плавно обводя аудиторию взглядом. — Но теория без практики — мертва. Поэтому мы проведем небольшой эксперимент. Я попрошу нескольких добровольцев описать свою самую раннюю, яркую детскую травму, а мы попробуем проанализировать, как она проецируется на ваши... скажем так, жизненные стратегии».

В аудитории повисла тишина, полчая ужаса. Наши герои переглянулись. В их глазах читался общий призыв: «Никто не вызывается!». Но закон подлости сработал. Взгляд Лидии Аркадьевны скользнул по их ряду и застыл.

«Вы, молодой человек в спортивном костюме, — сказала она, указывая на Валеру. — У вас очень энергичная, но несколько скованная поза. Подавленная агрессия? Расскажите нам о первом воспоминании, где вы почувствовали несправедливость».

Клоунада первая: Валера и "потерянная "Соболь"».

Валера, пойманный врасплох, тупо встал. «Травма? Ну... э... было дело. Мне лет семь. У меня была игрушка. Машинка «Соболь» такая, блестящая. Любимая. А соседский Колька, падла, у меня ее на районе отжал. По понятиям — беспредел. А я тогда мелкий был, не мог ответить». «И что вы почувствовали?» — мягко спросила Лидия Аркадьевна. «Да обидно! Я потом целый день ревел в сарае. Мамка спрашивает: «Чё реवेशь?» А я сказать не могу — стыдно, что по понятиям не отстоял. Позор». «И как эта ситуация повлияла на вас?» — продолжал психоаналитический допрос преподаватель. Валера задумался, а потом лицо его озарилось. «А, понял! Теперь я никому ничего не даю! И если чё — сразу в еб... то есть, жестко пресекаю на корню! На паре по микроэкономике я Глебу линейку не дал, потому что он вчера мой зубной экспроприи... взял без спроса! Вот!» Аудитория замерла. Лидия Аркадьевна медленно кивнула, делая пометку в блокноте. «Классический пример формирования ригидной защитной установки «не доверяй никому» через травму утраты «объекта» в раннем возрасте. Спасибо, очень показательно. А вы, молодой человек в кашемировом свитере, — она перевела взгляд на Алексея. — У вас заметна сильная потребность в одобрении. Какая ситуация в детстве заставила вас усомниться в своей... исключительности?»

Клоунада вторая: Алексей и «проклятый утренник».

Алексей поправил воротник, пытаясь собрать остатки достоинства. «Ну, если уж на то пошло... В детском саду. Утренник. Я должен был читать главное стихотворение про Деда Мороза. Мама купила мне новый костюм зайчика от Armani Junior». «В саду?» — не выдержал кто-то с задней парты. «Не перебивать! — строго сказала Лидия Аркадьевна. — Продолжайте». «И вот я выхожу на сцену, весь в белом меху, и понимаю, что Варя Семенова, дочка папы-олигарха, стоит в таком же! Это был китайский ширпотреб, но для детей этого возраста... это был удар ниже пояса. Я был не уникален. Я был... одним из. Я забыл все слова, заплакал и убежал. Все смеялись». «И как это отражается сейчас?» «Как отражается?! — вспыхнул Алексей. — Я теперь панически боюсь повторений! У меня не может быть двух одинаковых пар носков! Я меняю телефоны, пока они еще в тренде! Если я вижу у кого-то такую же куртку

— я ее сжигаю! Вернее, отдаю Валере. Потому что быть как все — это самая страшная травма!» Лидия Аркадьевна сделала еще одну пометку. «Яркий пример нарциссической травмы и формирования компульсивного поведения, направленного на поддержание иллюзии уникальности. Спасибо. А вы, — ее взгляд упал на Глеба, который пытался стать невидимкой за монитором ноутбука. — Вы прячетесь от мира в цифровую реальность. Что в реальном мире было настолько болезненным, что вы предпочли сбежать?»

Клоунада третья: Глеб и «Великая Изоляция на даче».

Глеб вздрогнул и сгорбился еще сильнее. «Эм... Лет в десять. Родители отвезли меня на дачу. На все лето. А там... не было интернета. Вообще. Только старый телевизор с двумя каналами, на которых шли либо «Спокойной ночи, малыши!», либо сельхозновости». В аудитории послышался сочувствующий шепот. Для некоторых это действительно звучало как кошмар. «У меня с собой был только GameBoy с одной игрой — «Тетрис». Я прошел его за неделю. Потом... потом началась ломка. Я разговаривал с муравьями, пытаюсь выстроить их в pixel-art. Я видел в облаках спрайты из Super Mario. К концу августа я нарисовал на заборе подробную карту вымышленного RPG-мира с квестами вроде «Принеси бабушке ведро воды» и боссом «Сосед дядя Ваня с криком «Не топчи грядки!». Родители думали, у меня психоз». «И каков вывод?» — спросила Лидия Аркадьевна, в глазах которой мелькнуло что-то, похожее на научный интерес. «Вывод? — Глеб оживился. — Реальный мир без цифрового интерфейса — это ад с плохим геймплеем и никакой кастомизацией. Я теперь везде таскаю с собой power bank и два роутера. Моя квартира — это умный дом, который спрашивает у меня разрешения, чтобы открыть холодильник. Потому что я боюсь снова оказаться в том вакууме, где нельзя сохраниться и загрузиться с чекапоинта!» «Фобическое избегание неструктурированной реальности и гиперкомпенсация через контроль. Замечательно, — прошептала преподаватель. — И последний... юноша с блокнотом. Вы все это записываете, превращая в нарратив. Почему? Что вы пытаетесь контролировать, фиксируя чужой опыт?»

Клоунада четвертая: Иван и «Ужас тишины».

Иван медленно закрыл скетчбук. «Моя травма... связана со звуком. Вернее, с его отсутствием. В детстве меня часто оставляли одного в огромной, пустой квартире родителей. Не было ни телевизора, ни музыки. Только тиканье часов и... тишина. Абсолютная. Она меня сводила с ума. Я начал создавать шум сам: стучал ложкой по батареям, говорил сам с собой разными голосами, придумывал диалоги для теней на стене. Однажды я так увлекся, что разыгрывал целую пьесу с участием тапочек и цветка в горшке, а в дверь уже стучали соседи, потому что я кричал: «Умри, зловещий кактус-узурпатор!» за себя и за тапку». «И к чему это привело?» «К тому, что теперь любая тишина для меня — это чистый лист, который нужно немедленно заполнить текстом, смыслом, диалогом, — с пафосом сказал Иван. — Я не могу молчать! Я комментирую все! Даже свой собственный сон, если его запомню! Я превращаю жизнь в непрерывный подкаст с одним ведущим. Потому что если я остановлюсь — меня снова поглотит та тишина, и я снова стану тем мальчиком, который боится, что его голос — единственное, что доказывает, что он существует». Лидия Аркадьевна долго смотрела на них четверых. В аудитории стояла полная, давящая тишина (от которой Иван невольно вздрогнул). «Превосходно, — наконец произнесла она. — Перед нами — идеальная модель дисфункциональной рабочей группы. — Она подошла к доске и начала писать. — У нас есть: «Агрессор», защищающий свои границы железным занавесом (Валера). «Нарцисс», требующий постоянного подтверждения своей уникальности (Алексей). «Избегающий», бегущий от реальности в иллюзорный контролируемый мир (Глеб). И «Контролер-нарратор», который не может вынести хаоса и превращает его в историю (Иван)». Она обернулась. «Поздравляю. Вы только что в живую продемонстрировали, почему 90% стартапов разваливаются. Не из-за плохой экономики. Из-за того, что их основатели — невротики, проецирующие свои детские травмы на бизнес-модель. Ваш проект с коровами? — Она посмотрела на Валеру. — Это попытка вернуть ту самую

машинку «Соболь», но в масштабах вселенной. Ваши арендованные мажоры? — Взгляд на Алексея. — Бесконечная погоня за костюмом зайчика, которого больше ни у кого нет. Ваши цифровые вайфу? — К Глебу. — Муравьи, которых вы наконец-то можете контролировать. Ваши говорящие урны? — К Ивану. — Диалог с тапочками, поставленный на поток, чтобы заглушить тишину смерти». Она села за стол. «Ваша сегодняшняя оценка — «отлично». Не за знания. За наглядность. Вы — ходячие учебные пособия. А теперь идите и подумайте, как, обладая этим букетом, вы не разнесете свой будущий офис в клочья в течение первого же квартала. Это и будет вашим настоящим бизнес-кейсом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.